

УДК 101.1:316

Лахвицкий А.Н.

Волгоградский государственный университет

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ»**

A. Lakhvitskiy

Volgograd State University

**PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF THE CONCEPT OF
«HISTORICAL TEXT»**

Аннотация. В статье выявляется потенциал исторического текста в социальном конструировании, определены основные каналы его актуализации в социальном пространстве и роль в коммуникативном процессе. Рассмотрены механизмы функционирования исторического текста в социокультурном контексте, способы трансляции социально значимой информации во времени. Представлен возможный путь разрешения аксиологического кризиса на примере обращения к традиции и её синтеза с новациями. Дана характеристика природы исторического текста как формы социального сознания.

Ключевые слова: социальная коммуникация, традиция, социальный механизм, мимесис, исторический текст.

Abstract. The article reveals the potential of the historical text in social designing and defines the basic channels of its actualization in social space and its role in communicative process. Mechanisms of functioning of the historical text in socio-cultural context, ways of translation of socially significant information in time are considered. The possible way of overcoming the axiological crisis is presented by example of reference to tradition and its synthesis with innovations. The historical text is characterized as a form of social consciousness.

Key words: social communication, tradition, social mechanism, mimesis, historical text.

В контексте культуры постмодерна актуализируется проблема поддержания традиции и устойчивости социального развития, фиксации в знаково-символической форме и закрепления новаций. Современные исследователи в своём стремлении сформировать осмысленное комплексное знание о социальной реальности в её пространственно-временном движении полагаются на синкретическое взаимоотношение исторического и философского научных сообществ. Это объясняется тем, что философия истории рассматривает те условия, нормы, принципы, которые позволяют называть знание о прошлом историей. Она оценивает соотношение формальных и содержательных параметров текстов историков с целью выявления наиболее репрезентативных работ. В свою очередь, история даёт материал для социальной рефлексии, определения вневременных оснований бытия.

В данной статье исторический текст показан как отражённая матрица социального, где в качестве проблемы выступает соотношение герменевтического потенциала исторического текста и социальной реальности. Нашей целью является рассмотрение исторического текста как социального феномена, выполняющего функции организации социального пространства, координации социальной деятельности, селекции, консервации, трансляции, преобразования и интеграции в систему социально-гуманитарного знания социально значимой информации.

Понятие «исторический текст» наполняется различным смысловым содержанием в зависимости от того, в какой страт социального пространства он интегрирован, также его вза-

имодействие с субъектом детерминировано собственными индивидуальными свойствами субъекта. Восприятие человеком действительности меняется на протяжении всей его жизни. Умственные и возрастные показатели особенно важны для определения степени влияния на читателя любого сообщения, в том числе такого, как «исторический текст». В повседневности по мере взросления человека происходит информационное наполнение его личного жизненного пространства.

Смысловое поле сообщений субъекта постоянно корректируется в процессе их трансляции, в результате взаимодействия с другими субъектами коммуникации и сообщениями. Знание возрастной психологии, биологических особенностей, понимание влияния ценностного аспекта, индивидуальной и социальной памяти, специфики ситуативного восприятия, селективного (объективно и субъективно) характера оперируемой информации, – осознание и учёт всех этих констант позволяют снять некоторую релятивность и получить инвариант генерируемого знания.

Между прошлым и историком стоит текст, в котором это прошлое зашифровано. А между историческим текстом и исторической действительностью существует различие, заключающееся в ограниченном потенциале описания субъектом действительности [1, 72-73]. Исследователь реконструирует набор кодов, которыми, как полагает Ю.М. Лотман, пользовался автор текста, соотнося с используемыми им самими кодами. Исследователю необходимо установить, что есть факт для автора текста, каким образом он зашифрован в тексте. Для каждой эпохи существовал свой набор фактов, подлежащих фиксации в тексте, причём он был релятивен даже в пределах эпохи и зависел от жанра текста. Важно учесть, что сам факт – это всегда результат выбора и отбора [6, 337].

Г.–Г. Гадамер предложил конструкцию, согласно которой история не только воплощается в текстах, но и сама историческая реальность есть текст, положенный к постижению [2, 246]. Вероятно, это должно было снять

ограничения для познающего субъекта в его дешифровке сообщений прошлого, поскольку в этом случае вся история человечества представляется как обладающий смыслом и внутренним единством текст. Это предположение справедливо, учитывая уже то, что история возможна для нас благодаря тексту, но и текста не существует без истории. Время в интеракции передаётся с помощью письменности, фиксации темпоральных изменений графически, символически, *знаково*. Без письменности настоящий момент времени («сейчас») длится бесконечно. Прошлое превращается из реальности в сон, отчуждается.

Но и в последовательности письменных текстов время разорвано, каждый текст фиксирует «настоящее» автора, даже если он говорит о прошлом или будущем. Из множества текстов складывается дискретное множество, сливающееся в единый поток и актуализируемое в практиках чтения. Без истории нет текста: он фиксирует изменения, «сегодня», отличное от «вчера», необходимое для передачи в «завтра».

Динамические социальные трансформации (быстрый переход социума из одного состояния в другое) создают перед обществом необходимость осмысления происходящего посредством критики и дистанцирования от прошлого с целью обращения к нему и выражению того нового, что от него отделилось (в условиях цензуры обращение к истории – попытка языком прошлого говорить о проблемах настоящего).

Сознательное построение текста для целенаправленного воздействия на психо-эмоциональное состояние человека, возможно, и ведёт к некоторому «сплавнению» временных или жизненных миров объектов повествования и читателя, но ментальное «родство» не способно окончательно преодолеть разницу контекстов их существования, отличия между сконструировавшей и сконструированной в тексте реальностью и реальностью читателя.

Всякая дешифровка сообщения проходит через определение используемых автором, можно сказать, «точек координат», – всех ос-

новых понятий и вербальных средств, понимаемых автором как данность, само собой разумеющихся, не требующих разъяснений. Эта процедура позволяет значительно сузить границы возможных смыслов и, таким образом, при определённой интенции читателя, увеличить точность понимания сообщения.

Каждый текст служит материалом, который вне деятельности историка не имеет большого значения для социального конструирования и восстановления картины прошлого. Мифическая, религиозная, научная картины мира являются фоном или средой, формирующей специфически организованную информацию. Элементы, присутствующие каждой из них, переходят в новую картину мира, сливаясь с её элементами. Многие элементы исторически утративших доминирующее положение картин мира существуют и в современной, в различных подсистемах и элементах подсистем социальной реальности.

Элементы духовной и материальной культуры не только при эволюционных, но и при революционных изменениях в обществе сохраняются, возможно, и в видоизменённом состоянии. Так, некоторые свойства мышления и прочие структуры ментального мира «человека прошлого» продолжают функционировать как основание или «материал» для «человека настоящего».

Исторический текст как социальный феномен выполняет функцию социокультурной трансмиссии (в античности, впрочем, как и позднее, это выстраивание дескриптивного отношения между определённым сообществом, к которому принадлежит историк, и остальными социальными группами с целью осмысления социальной реальности), саморефлексии и самоидентификации социальной общности.

Постижение текста (направленность познающего субъекта на поиск истины, нового знания) предполагает возможность наличия в самом объекте искомой сущности, на основании которой историк восстанавливает картину мира прошлого (но их проявлений бесконечное множество, полностью всю со-

вокупность воссоздать невозможно), его работа результируется в новом тексте. Каждый раз, переписывая историю, мы выхватываем из бытия, не озвученного до тех пор, новые смыслы.

Процесс «смыслотворчества», «улавливания значений», их фиксации усложняется тем, что история коммуницирует с другими научными дисциплинами, аккумулируя в себе все смыслы социокультурного пространства. Любой таким образом созданный текст аккумулирует иную комбинацию семантических единиц, дополняя прошлый. Происходит историотворчество, способное изменить представление о мире.

Этот феномен резонирует ещё и с тем фактом, что нарратив истории запечатлевал важное, запоминающееся, выделявшееся на фоне повседневности, акцентировался на новом, становящемся бытии. Наряду с творческим характером исторического текста важное место занимает закрепление и повторение новой информации.

Как указано выше, формирование адекватности и эффективности механизмов организации коммуникативного пространства в группе людей происходит, помимо прочего (то есть не исключительно), в процессе вступления каждого из них в единый текстуральный дискурс. Приобщение к унифицированному в данной группе кругу текстов генерирует нормальную работу межсубъектного восприятия и понимания.

Развитие виртуальных (или аудиовизуальных) образов в направлении конструирования субъектом познаваемого объекта ведёт к устранению допущения истинности значений таким образом репрезентируемого объекта (в кино, фото, играх, давая волю воображению в заполнении лакун в истории, мы меняем саму историческую реальность, и она теряет истинность), затрудняя тем самым выполнение указанных выше задач.

Письменная традиция в некоторых сферах жизни воспроизводила в каждом новом поколении людей законсервированные в ней образцы поведения и мышления (особенно это касалось искусства и религии). В повсед-

невности же мышление задавалось ситуативно, было связано с окружающим миром [9, 273]. Именно на повседневном уровне, мыслимом и осознаваемом в коротких временных промежутках, «случайно» фиксированные (закодированные) в историческом тексте структуры ментального мира, живое, становящееся, не статичное, творческое, – всё это переходило в разряд исторического, консервировалось для будущих поколений. При этом, конечно, «историографическим материалом подобное (наличные остатки – А. Л.) может стать постольку, поскольку оно по своему особому способу *быть* имеет миро-исторический характер» [8, 440]. Основным системным элементом любой конкретной исторической эпохи являются культурные ценности, нормы и средства воспроизводства социально значимой информации, постоянно становящаяся традиция (статичная лишь в монохроническом срезе).

Таким образом, процесс становления традиции происходил через это приращение к основной её линии новаций, закрепление смыслов «сегодняшнего» дня в историческом тексте, который впоследствии станет свидетельством диахронического знания (переходящего из одного времени в другое) через наложение времён. Заключённые в традиции и историческом тексте установки не статичны, они содержат огромный эвристический потенциал, обращаясь не столько к рациональным сторонам человеческой экзистенции, сколько к её эмотивным, подсознательным, витальным параметрам, продуцируя на неосознаваемом (не вычленяемом рационально и, значит, непреодолимом, не защищённом) уровне культурные и жизненные установки [2, 43].

Осознание своего прошлого даёт возможность ориентироваться в настоящем, осмысленно проецировать будущее. Конструирование в историческом тексте последовательности конкретно-исторических форм социальной реальности, отличных друг от друга и в то же время генетически связанных между собой, позволяет представить целостную картину прошлого во

всей пестроте её культурных модификаций, ценностных и экзистенциальных установок. Воспроизведение каждой из них возможно при наличии исторических текстов, воплощающих в себе конкретно-историческую эпоху. Такие свойства исторического текста, как отражение и консервирование структур социальной организации, а также проецирование и воспроизводство запечатлённых и создание новых структур, формируют устойчивую связь между традицией и новацией, между прошлым и будущим. Совокупность исторических текстов служит источником национальной и религиозной идентичностей.

По мнению представителя американского прагматизма Дж. Дьюи, предмет и проблемы исследовательского текста во многом обусловлены стрессами и напряжениями общественной жизни, рассматриваемые проблемы «меняются вместе с переменами человеческой жизни» [3, 7], которые происходят всегда и которые иногда приводят к кризисам и поворотным моментам человеческой истории. Философия вновь и вновь переживает, пытается сохранить прошлое.

Историк создаёт свою реальность, локализованную во времени и пространстве; воображаемые им конструкции находятся в определённых отношениях с историческими свидетельствами и встраиваются в реальный мир, а не есть «миры в себе» [4, 234-235]. Инструментами подобного конструирования выступают воображение и память. Воображаемое не есть реальное, но позволяет это реальное достраивать, не отвергая её претензии на истинность [4, 230]. Индивидуальная память восстанавливает прошлое как прошедшее, история – прошлое как существующее в настоящем.

Эта ошибка («додумывание» истории) в определённой степени объясняется тем, что та или иная историческая тема поднимается по мере того, как складываются располагающие к этому условия в настоящем [5, 34], создающие собственное контекстное поле вокруг реконструируемого события. Любое знание неразрывно связано с порождающей

его реальностью, актуально и может быть понято во всей полноте лишь в её контексте.

В социальном пространстве существует универсальная историческая и сущностная для всех сфер человеческой жизни проблема перевода реальности в информацию. Мотивацией данной деятельности в обществе на раннем этапе его существования являлась, на наш взгляд, имманентная психическая и интеллектуальная потребность человека в организации и упорядочении окружающего пространства. В философии науки задачу теоретического осмысления, построения и организации связей, выявления отношений между элементами научного знания, перевода материальных объектов в знаково-символическую форму, помимо прочего, решают концептуализация и дескриптивная археология.

Каждый историк в отдельности и всё историческое сообщество в целом структурируют, упорядочивают, выражают в знаково-символической (текстовой) форме информационный мир, параллельный реально существовавшему или существующему. При этом на исследование или на факт всегда накладывается отпечаток трёх измерений времени (прошлое, настоящее, будущее), если брать за отправную точку «сейчас-субъекта», что объясняется общим детерминизмом пространственно-временного континуума. Эта форма фиксации выполняет роль социального конструкта, концентрата целевых установок, социальных регулятивов, скрытых футурологических ожиданий отдельных представителей определённых социальных групп; отражение современных ей тенденций и исторического сознания неоценимо. Вбирая в себя всё вышеперечисленное, она находит своё воплощение в деятельности историка и через это начинает бытие в социальной реальности.

Любые артефакты (предметы материального мира, в которых опосредованно или непосредственно отражается деятельность человека) в своей совокупности представляют своеобразную матрицу взаимодействия общества и природы, осуществляющую,

кроме прочего, социализаторскую функцию. Так, археологические памятники несут в себе двойную смысловую нагрузку: они являются элементами единого текста истории общества и в то же время могут содержать дополнительные знаково-символические системы. Например, изображённые на них геометрические символы «представляют собой фрагменты универсальных языков описания мира» [7, 107]. «Орнамент как искусство порядка организует вещи нашего практического мира. Он соотносит целое с его частями, членит однородное, не имеющее собственной структуры» [7, 107]. То есть все объекты структурированы и реализуют во взаимодействии друг с другом связи различной силы. В этом и находит своё выражение стремление человека к упорядочению окружающего его мира и созданию изменяющейся во времени его информационной модели – истории, переводу вещественного/ невещественного, определённого во времени и пространстве, социального бытия в текстовую форму.

Исторический текст «связывает» людей, которые попадают в поле его актуализации; другими словами, тот, кто прочёл текст, пополняет свой «вербальный мир» (совокупность языковых форм выражения действительности) его смыслами, попадает под власть текста, корректирует своё знание о реальном мире. Но текст и связывает, и разделяет: демаркация происходит во время практики чтения, устной передачи или иных способов воспроизведения текста и заложенных в нём смыслов. Вся совокупность вариантов и комбинаций текстов формирует единое информационное пространство, но в зонах влияния локализованных групп текстов, их конкретной последовательности и конфигурации создаются уникальные и неповторимые миры.

Осмысление и объяснение исторических фактов в социальном контексте (с позиции социальной реальности артефакта, с позиции социальной реальности исследователя, с позиции отношения этих констант) имеет своей целью связывание времён в социальном сознании в единый поток, «дотраива-

ние» социального пространства. История как наше знание о бытии социума во времени и пространстве складывается из совокупности всех трудов, которые и составляют впоследствии единый эпистемологический и герменевтический континуум. Именно при рассмотрении истории как целостного явления более явной становится её гипертекстуальность и дискурсивный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
 2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
 3. Дьюи Дж. Реконструкция в философии: Пер. с англ. М.: Логос, 2001. 168 с.
 4. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография: Пер. с англ. М.: Наука, 1980. 486 с.
 5. Кротче Б. Теория и история историографии: Пер. с ит. / Науч. ред. М.Л. Андреева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
 6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 7. Петров Ф.Н. Геометрия, орнаменты и символы «стран городов» как универсальный язык описания мира // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск: Крокус, 2004. С. 105-110.
 8. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. – Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
 9. Хейзинга Й. Осень Средневековья: Пер. с нидерл. М.: Айрис-пресс, 2004. 544 с.
-